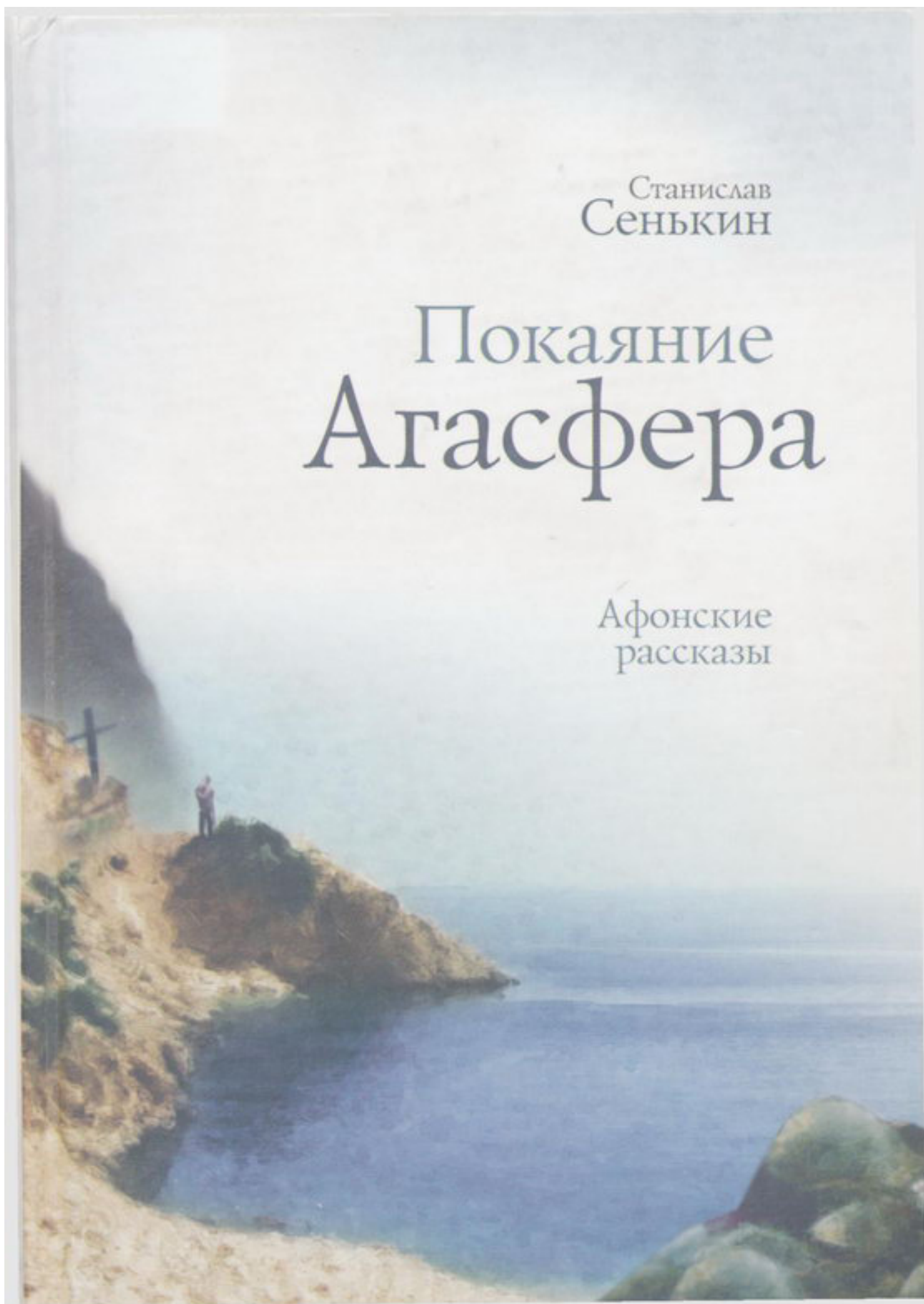

Станислав
Сенькин

Покаяние Агасфера

Афонские
рассказы

Афонские рассказы

Станислав Сенькин

**Покаяние Агасфера.
Афонские рассказы**

«Автор»

2008

Сенькин С. Л.

Покаяние Агасфера. Афонские рассказы / С. Л. Сенькин —
«Автор», 2008 — (Афонские рассказы)

ISBN 978-5-9946-0003-0

[<p id="__GoBack">](#)Сборник «Покаяние Агасфера» продолжает цикл афонских рассказов молодого писателя Станислава Сенькина. Его первая книга – «Украденные мощи» – за короткий срок выдержала несколько переизданий. Станислав Сенькин родился в 1975 году. Окончил факультет журналистики МГУ, работал по специальности. Много путешествовал по России и другим православным странам. Три года прожил на Святой горе Афон. В своих рассказах автор, не избегая современных художественных приемов, повествует о жизни уникальной «монашеской республики». Наполненный юмором, любовью и тонким знанием быта святогорцев, новый сборник рассказов будет интересен и воцерковленному читателю, и только начинающему интересоваться православием неопиту.

ISBN 978-5-9946-0003-0

© Сенькин С. Л., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Предисловие автора	6
Косуля	7
Золотой крест	11
Фотограф	17
Ангел-хранитель	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Станислав Сенькин

Покаяние Агасфера. Афонские рассказы

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие автора

Может быть, я поступил неправильно, греховно, но теперь уже всё равно – прошлое невозможно вернуть или изменить. Я покинул Афон.

Я оставил его зелёные горы, тропинки, прорезающие леса, его камни и море с неповторимым характером. Как объяснить себе это бегство из рая молитвы и школы настоящего смирения? Ум найдёт оправдание, но душа его не примет. Она не смирится с потерей, и будет оплакивать её до конца своего пребывания на этой земле.

Мы ищем благо соразмерно силам своих душ. И тот, кто решит воспринять благо сверх своей меры, никогда не сможет удовлетвориться меньшим. Теперь я понимаю: покинув Святую гору, я оставил там своё сердце биться в такт с сердцами монахов...

И хотя мне есть о чём сожалеть, но я не сожалею; мне есть о чём плакать, но я радуюсь. Ведь я – счастливей многих, не видевших то, что видел я, и не слышавших того, что мне довелось услышать.

Счастье – провести несколько лет на Святой горе. И я счастлив.

Мир тебе, Афон, твои чертоги озарены светом вечности!

Косуля

– Сотвори милость рабу твоему!

Поседевший в подвигах зилот Антоний – старец одной из керасийских кафизм искал свою косулю.

– Лало! Лало! – Слышались в лесу жалобные крики старика.

Годовалая Ипакои – так звали пропавшего зверя – была найдена старцем полгода назад. По-гречески это слово означает «послушание» и старец искал косулю так же усердно, как юный подвижник ищет нелицемерного послушания у духовника. Отец Антоний очень любил Ипакои.

Бродя по окрестностям кафизмы, он вспоминал, как вытащил её из оврага близ тропинки, ведущей в Великую лавру. Упав туда, косулёнок, видимо, сломал ногу и не мог выбраться. Услышав шаги бредущего по тропинке старца, он жалобно заблеял, словно зовя его на помощь. Геронта Антоний умилился, разглядев сквозь толстые линзы очков плачущего зверька, и, сам рискуя сломать ногу, полез в овраг. Вытащив на тропинку дрожащее от страха и боли животное, старец с любовью взял его на руки и осторожно понёс в кафизму. Сердце билось тяжело, гулким стуком отдавая в виски, – отцу Антонию было уже за восемьдесят, и нести косулю, пусть и совсем ещё детёныша, старику было очень тяжело...

Антоний жил один в маленькой деревянной кафизме – бывшем сарае богатой русской кельи святого Иоанна Богослова в скиту Кераси. В самой же келье, стоявшей метрах в пятидесяти от кафизмы, жили пятеро молодых монахов-зилотов во главе со старцем Ираклием. Отец Ираклий был человеком щедрым и геронта Антоний всегда был одет и сыт. Зилоты в Иоанна Богослова занимались иконописью, заказов было много, и наличных средств на содержание этой большой кельи всегда хватало.

Антоний переселился в кафизму пару лет назад по приглашению старца Ираклия, своего старинного приятеля, когда понял, что стал настолько немощен, что обходиться без посторонней помощи уже не сможет. Послушников отец Антоний не хотел брать, поскольку был нелюдим и избегал общения. По этой же причине он отказался перейти в саму келью, предпочтя ей грубо сколоченный сарай. Так, сохранив некоторую независимость, он всегда мог надеяться на помощь братьев, в том числе и врачебную, – один из монахов окончил афинский медицинский институт.

Увидев обливающегося потом отца Антония, несущего в старческих, дрожащих от напряжения, руках маленького косулёнка, рясофорный послушник Григорий – тот самый врач – подбежал к нему и, приняв ношу, донёс больную косулю до кафизмы. Закрепив повреждённую ногу животного биндом, он сделал косуле укол успокоительного.

– Как назовешь зверёныша? – поинтересовался Григорий у старца.

Отец Антоний неожиданно рассмеялся.

– У меня никогда не было послушания. Назову-ка я ее Ипакои – хоть на старости лет смогу со спокойной совестью говорить всем, что, наконец, обрёл послушание. Лучше поздно, чем никогда.

– Смирный раб Божий! – Григорий рассмеялся в ответ. – Значит, оставишь её себе?

Старец ничего не ответил.

Конечно, он оставил косулёнка, хотя бы для того, чтобы его выходить. Через месяц маленькая Ипакои оправилась и уже всю скакала у кельи. Она стала совсем ручной и, по-видимому, покидать келью не собиралась, чему был рад не только отец Антоний, но и другие монахи с Кераси.

Старец чувствовал, как привязался сердцем к этому маленькому беззащитному животному.

– Эй, Ипакои, да что ты всё скачешь и скачешь! Посиди ты хоть немного на месте!

И косуля подбегала к старцу, а тот с нежностью гладил её по холке. Геронта Антоний чувствовал, что с появлением в его судьбе Ипакои он влюбился в жизнь так, будто только начинал жить. Старец стал более открытым в общении, и монахи, навещавшие старца поначалу только для того, чтобы посмотреть на ручную косулю, вскоре частенько стали приходить к нему за советом, удивлялись тому, как просто он разрешал их противоречия. Всем вдруг стало очевидно то, о чём прежде никто не догадывался – какое у старика на самом деле доброе сердце.

Отец Антоний действительно преобразился. С приручением Ипакои в нём будто проснулось нечто, до времени дремавшее в монашеском сердце. Глаза его светились внутренним, благодатным светом, идущим из глубины исстрадавшейся души, где мельничными жерновами искушений стёрлись в порошок лютые, борющиеся человека от юности, страсти. Облик его стал внушать благоговение: седые волосы и густая борода, свалывшиеся оттого, что их давно не касался гребень, придавали ему сходство с пророком Илией на древней византийской фреске. Он стал казаться монахам и паломникам обладателем той же силы, что была у святых, повелевавших зверьми: Герасима Иорданского, приручившего льва, Серафима Саровского, кормившего медведя, праотца Адама до грехопадения...

Косуля прожила в кафизме старца около полугода, а затем неожиданно исчезла. Старец очень горевал о своей Ипакои и братья старались утешить его как могли:

– Ничего, геронта, погуляет Ипакои и вернётся!

Отец Антоний был благодарен добрым монахам за их старания. Он понимал, что косуля – животное дикое, и зов природы мог пересилить её привязанность, но сердце старца, так неожиданно и полно, благодаря маленькой Ипакои, ощутив любовь ко всему живому, скорбело о пропаже.

– Сотвори милость рабу твоему!

Отец Антоний искал свою косулю.

– Лало! Лало! – Слышались в лесу жалобные крики старика.

... – Как ты мне надоел, старый колдун! – Молодой рабочий албанец Ибрагим опылял яблони и шелковицу и с раздражением слушал, как старец плаксиво зовет свою косулю. Ибрагим был мусульманином, состоит в ОАК¹, содержащейся на средства, добытые от продажи наркотиков, людей и оружия, и скрывался на Святой горе от Интерпола. У Ибрагима, несмотря на молодость, было богатое криминальное прошлое: он занимался транзитом опия-сырца в Италию и участвовал в терактах. Но удача отвернулась от него, полиция вышла на след их ячейки, и теперь он и его подельники были занесены в списки Интерпола.

Поначалу часть группы, включая Ибрагима, руководство ОАК переправило в северный Эпир, который, как они считали, в ближайшем будущем должен быть присоединён к «Великой Албании». А затем муле двоюродной сестры посоветовал ему пожить на Афоне, где, по его словам, можно было скрываться под видом рабочего сколь угодно долго.

И вот, Ибрагим уже полгода трудился водной из келий самого высокого скита Кераси.

Но, несмотря на все выгоды своего нынешнего положения, Ибрагим с каждым днем всё отчетливей понимал, что жить здесь спокойно не сможет. На северных Балканах православные храмы, которые он взрывал, были в большинстве своём маленькими, простой архитектуры. Здесь же он видел ненавистное православие во всём его великолепии и силе. Храмы были красивыми и богатыми, монахи – весёлыми. В общем, всё на Святой горе вызывало в нём ненависть; гнев, который Ибрагим был вынужден тщательно скрывать, неугасимо тлел в душе, и от его нестерпимого жара он не мог спать.

Бессонными ночами Ибрагима мучило одно и то же воспоминание: сербы взрывают мечеть в его селе и русский тротил не оставляет от священного здания камня на камне. А

¹ Освободительная армия Косова.

затем шальная пуля, выпущенная сербским новобранцем, убивает его деда, человека доброго и безобидного.

Почему же, думал он, ворочаясь на своей лежанке, судьба распорядилась так, что он оказался в самой сердцевине христианского мира, зачем Аллах привёл его на эту землю, где его ненависть, не без «помощи» дружелюбия местных монахов, всё росла и росла?

Ибрагим не был благочестивым мусульманином: Коран он не читал, в Хадж отправляться не собирался и, вообще, любил вино и гашиш. Но именно здесь, на Святой горе, Ибрагим ощутил унижение своей веры: на Афоне он не мог свободно совершать намаз, и хотя Ибрагим не делал этого и раньше, запрет святогорского правительства казался ему унижительным.

Келья, где он работал, находилась по соседству с кельей Иоанна Богослова, и Ибрагим часто видел старца Антония, ласкающего свою косулю. Албанец наблюдал, как ненавистные ему сербы, которых много было среди зилотов, возились и сюсюкали с этим существом, ставшим всеобщим любимцем.

Эта ежедневная картина – седобородый благообразный монах с косулёнком – вызывала у албанца приступы непонятной, дикой злобы. Он должен что-нибудь сделать, иначе ненависть разест его изнутри, словно щёлочь!

И однажды ночью Ибрагим, наконец, решился. Да, – думал он, пробираясь под покровом темноты к сараю отца Антония, – это надолго выбьет из колеи мерзкого старика, да и других монахов. Пусть и не большая, но месть православию, месть за зверства сербов!

Подойдя к кафизме, Ибрагим почувствовал, как душа его наливается истомой мести. Ипакои лежала в прихожей и, увидев албанца, доверчиво и радостно вскочила. Ибрагим презрительно хмыкнул, и умело ударил её молотком по голове. Зверь упал замертво, не издав ни звука. Постояв немного и прислушавшись, не проснулся ли Антоний, албанец вынес безжизненное тело животного на улицу. «Хорошо, что у этих дурных монахов нет обычая держать собак», – подумал он.

Ибрагим вернулся в свою комнату и там освежевал тушку косули острым кривым ножом. Затем зарыл в заранее выкопанной яме кости, требуху и шкуру. Мясо, которого оказалось совсем немного, албанец завернул в полиэтиленовый пакет и положил в холодильник.

На следующее утро Ибрагим, наконец, выспавшись, опылял деревья и с затаённой радостью смотрел с холма, как внизу суетились монахи, прочёсывая окрестности кафизмы Антония в поисках косули.

«Глупцы! Ну, ищите-ищите», – подумал албанец, и, рассмеявшись своим мыслям, пошёл в рабочую трапезную, где и пожарил припасённое мясо.

Ближе к вечеру к нему подошел поникший эконоом и смиренно поинтересовался, не видел ли тот маленькую косулю Антония? Ибрагим сделал недоумённое лицо и отрицательно покачал головой. Он торжествовал, его сердце, наконец, освободилось от жара ненависти – он отомстил ортодоксам, и будет мстить ещё...

...Но прошло несколько дней, и освобождение оказалось иллюзорным. Ибрагим почувствовал, как в сердце вновь разгорается злоба, но на этот раз такой силы, что по сравнению с ней прежнюю можно было назвать лёгкой раздражительностью. Убийство косули, словно очередная доза наркомана, лишь на время приглушило ломку мести.

Старый Антоний всё звал Ипакои: «Лало! Лало!»

Ибрагим даже захрипел от ярости. Посмотрев на свои трясущиеся от возбуждения руки, он положил на землю распылитель и быстрыми шагами направился в лес, туда, где этот старый неухоженный монах искал своё животное.

Он понял, что ему нужно сделать теперь для удовлетворения своей злобы. Если скинуть Антония с тропы на камни, то вряд ли кому-нибудь придет в голову, что это убийство. Кому нужна жизнь этого старика? Все подумают, что, бродя в поисках своей любимицы, он оступился и упал в овраг.

Ибрагим шел на жалкие призывные крики старца и был полон решимости. Хватит ему прятаться – убив старика, он вернётся в Косово и будет драться за свободу своей родины.

Выйдя на тропу, ведущую в лавру, Ибрагим увидел старца. К нему приближались двое греков-паломников, и албанцу ничего не оставалось, как спрятаться за большим валуном. Из-за своего укрытия он слышал, как паломники поприветствовали старца и тот громко, как свойственно тугим на ухо людям, осведомился у них, не видели ли они косулю, его Ипакои.

«Ну, что ж, эти паломники очень кстати, – подумал Ибрагим, если их будут опрашивать полицейские, они подтвердят, что кроме отца Антония никого на этой дороге не видели». Дождавшись, пока паломники скрылись из виду, он, наконец, подобрался к отцу Антонию на расстояние нескольких метров. Старец стоял, опираясь на бастуни² и тяжело дышал.

Место было удачным для убийства: в нескольких метрах от тропы начинался большой овраг, дно которого было усеяно острыми камнями и валунами. Ибрагим вспомнил, как один рабочий рассказывал, что пару лет назад в эту лощину упал мул с монахом. Правда, мул сломал обе ноги, а монах отделался лёгким испугом, но... если Антоний не умрёт, Ибрагим, в конце концов, может добить колдуна булыжником.

Убийца подошел к старцу совсем близко. Неожиданно отец Антоний обернулся, и албанец застыл под взглядом старца. Его глаза были все в маленьких красных прожилках и блестяли каким-то особенным блеском, блеском любви...

...Отец Антоний знал Ибрагима. Этот молодой албанец работал в келье папы Максима. Может быть, он знает, куда делась Ипакои? Старец улыбнулся:

– Ибрагим, ты ведь знаешь мою косулю, мою Ипакои? Может быть, тебе довелось где-нибудь её видеть, здесь, в лесу, или в каком-нибудь другом месте?

Ибрагим сжал кулаки и странно улыбнулся.

– Конечно, отец Антоний, я знаю, где ваша косуля.

Старец застыл в изумлении, глядя на Ибрагима.

– Что?! Повтори, пожалуйста!

Ибрагим внезапно покрылся липким потом и выдал из себя:

– Ваша косуля...

Глаза старца до краёв наполнила любовь. Это была та же любовь, тот же свет, что Ибрагим, будучи ребёнком, видел в глазах деда, родившегося в горном селении и умершего от шальной сербской пули... Этот свет ни с чем нельзя было спутать.

На глазах старца выступили слёзы:

– Родной ты мой человек, если бы ты знал, как долго я искал свою Ипакои.

Антоний подошел к албанцу, обнял его, уронив посох, и заплакал от радости.

Кулаки Ибрагима безвольно разжались. Любовь старца к косулёнку, к нему, Ибрагиму, и, вообще, ко всему живому, была так сильна, что от ненависти Ибрагима в одночасье не осталось и следа. Этот блеск в глазах отца Антония открыл в сердце албанца какую-то потайную дверь, за которой до сих пор томилась, словно невольница, лучшая часть его души. Раскаяние штормовой волной пронеслось в его сердце, сметая все нечистые замыслы на своём пути.

Ибрагим на мгновение понял, что же такое ад.

Это ни что иное, как вечное раскаяние.

Албанец тоже обнял старца за плечи сильными руками и разрыдался. Но никакие слёзы не могли унять ту боль, что пронизывала его сердце.

² Святогорский посох.

Золотой крест

Престольный праздник русского Пантелеимонова монастыря всегда проходил радостно, как и положено хорошему празднику. Вот и в этот раз веселье словно витало в воздухе, смешиваясь с запахом ладана и звоном кадил. Народу пришло много – не продохнуть: сербы, болгары, румыны, греки, – все пришли почтить память святого великомученика и целителя Пантелеймона. И, хотя аскетичные святогорские старцы не одобряют частое хождение по престолом, не без основания полагая, что они расслабляют подвижников, но изредка посещать панигиры считается на Афоне делом чести и любви.

Частые «ходоки», из тех, что появлялись на агрипнии ради развлечения или чревоугодия, уже узнавали друг друга, и стыдливо прятали лица, испытывая чувство вины за своё праздное любопытство.

Кто-то любил панигиры за вкусную еду, кто-то – за возможность участвовать в великолепном афонском богослужении, или попеть византийские гимны, много и от души. Кому-то, особенно пустынноикам-келиотам, хотелось пообщаться на духовные темы или просто посплетничать, а кто-то хотел помолиться и почтить память того или иного святого, попросить у него помощи в искушениях или денег на ремонт кельи.

Сейчас заканчивалась особенная часть богослужения – кафизмы: чтение псалтыри. Хотя по-гречески «кафизма» означает «сидеть», греки, преклоняясь перед авторитетом Священного Писания, на кафизмах стояли. Русские же монахи сидели, считая, что так положено. На каноне – напротив: греки садились, а русские поднимались со своих мест. Подобные небольшие отличия заставляли некоторых подозрительных монахов сомневаться в православии коллег другой национальности.

Кафизмы уже заканчивались и псалтосы готовились петь седальны (тут вставали все – и греки, и русские), вскоре начнётся полиелей, одно из самых торжественных мест агрипнии. Пономарь возжёт свечи на хоросе и с помощью длинной жерди раскачал его. Эти позолоченные паникадила, качающиеся во время полиелея из стороны в сторону, служат прекрасным символом радости небесных светил: солнца, звёзд и луны.

Монахи затянули полиелей на два хора:

– Хвалите имя Господне, хвалите, рабы, Господа! Аллилуйя! Стоящие во храме Господне, аллилуйя!

Почетными гостями монастыря в этом году были старенький ксенофонтский игумен и четыре епископа из России. Один из них, архиепископ Мисаил, привёз монастырю подарок – большой напрестольный крест из чистого золота.

Это был не простой подарок – крест символизировал признание патриархом и Священным Синодом трудов афонского игумена и показывал, какое внимание оказывает Русская Православная Церковь возрождающемуся русскому афонскому монашеству. Собором старцев было принято решение перенести крест в монастырскую ризницу после того, как стихнет торжество.

Крест архиепископ передал ещё два дня назад в Пантелеимоновом соборе. В тот день перед вручением он сказал речь, в которой признался братьям и отцам монастыря, что, ещё учась в семинарии, хотел стать послушником у отца Иеронима – игумена монастыря – и мечтал, как отправится на Святую гору. Но Господь судил иначе, и ему, теперешнему архиепископу Мисаилу, мать Церковь вверила кормило крупной епархии. Отец Иероним растроганно облобызал крест и, по-старчески семеня, отнёс его в алтарь.

В праздничный день в монастырь приехали не только высокие гости – все русские сиромаша сегодня могли посетить обитель, не боясь того, что их отправят обратно, в сиромашечью «Шаталову пустынь». Их поселяли, правда, не без проволочек, в огромном здании монастыря

ского архондарика, где они, в ожидании малой вечерни, обсуждали последние святогорские новости.

Русские на Афоне вели себя не так, как, например, румыны. Если последние держались друг друга и всячески помогали единокорсам, русские, напротив, «делили» святогорскую территорию, словно хищники. И, хотя они тоже дружили между собой, но дружба их носила какой-то соревновательный характер. Греки шутили по этому поводу, мол, русские как львы – ленивые, гордые и заняты только тем, что дерутся за территорию.

Среди русских, прибывших в обитель, был и профессиональный вор.

– Это заведение чем-то похоже на тюрьму, – думал он, осматривая монастырь. – Правда, сидят здесь добровольно...

Вор по имени Алексей приехал на Святую гору в качестве паломника ещё засветло. Наводку на то, что в монастырь из России привозят золотой крест весом более двух килограммов, дали ему два брата понтийца, с которыми у него были общие дела в Салониках. Один из них обещал за небольшой процент помочь в сбыте золотого креста.

Алексей стоял в одной из передних стасидий, осторожно и внимательно осматривая помещение храма. Всё шло именно так, как описывал понтиец – ему однажды довелось побывать на подобной службе. После бдения, которое закончится по его подсчётам часов через десять, все уйдут отдыхать перед литургией на три-четыре часа. Алексей после бдения спрячется за хоругвями. Если его и найдут, он всегда сможет изобразить задремавшего паломника – немудрено за десять часов не заснуть. Но если он останется необнаруженным, то пробраться в алтарь и украсть крест будет проще простого.

Самое сложное будет выбраться из храма незамеченным, для этого нужно смешаться с толпой до того, как обнаружат пропажу. Если и это удастся, – а Алексей верил в свою везучесть, – останется перелезть через стену за братским корпусом, и всё – ищи ветра в поле! Понтиец подробно описал Алексею, как убраться со Святой горы, минуя паром, на котором проверка полицией была бы неизбежна. Путь этот проходил через виноградники к дороге, ведущей на Иериссо. Ну, а там его уже будет ждать подельник-понтиец.

Осмотревшись и составив план действий, Алексей, чтобы скоротать время, принялся украдкой разглядывать толпу, наполнившую храм до отказа.

Лица, в основном, были радостны, только греки недовольно морщились, слушая русское пение. Особенно не нравились им первые тенора – греки считали, что у них «женские» голоса, и некоторые даже ворчали и передразнивали русских певцов.

Алексею же наше хоровое пение нравилось больше греческого. Слушая, он вспоминал, как ещё до первой судимости время от времени приходил в храм, ставил свечи и слушал хор. Эти воспоминания, хоть и привели Алексея в состояние умиления, но решимости украсть крест не убавили.

К концу полиелея Алексей перебрался к крайней стасидии правого клироса. Бдение уже заканчивалось, и монахи, выйдя на середину храма, затянули какие-то гимны. Алексей зевнул и, нащупав в кармане набор отмычек, укрывшись в самом углу.

Наконец, бдение закончилось, монахи, гости и паломниками стали выходить из храма, и довольно скоро в здании остались только вор и пономарь, в обязанности которого входило тушить лампы. Делал он это специальным опахалом, так как задувать свечи и лампадки нельзя, – это считается неблагоговейным, да и висели некоторые лампы очень высоко. Когда пономарь покончил с передней частью храма, Алексей на цыпочках прокрался к большой архиерейской стасидии и спрятался за ней. Охранявшие стасидию у ее подножия два маленьких деревянных грифона, казалось, сердито косились на вора.

Закончив, пономарь, грузный рыжеволосый дьякон, неторопливо удалился, закрыв за собой большую храмовую дверь. Алексей подождал ещё немного, осторожно выглянул из-за своего укрытия и, внимательно осмотревшись, пошёл к северной алтарной двери.

Достав из кармана набор отмычек, Алексей почувствовал хорошо знакомое ему приятное волнение, которым всегда сопровождалось его противозаконные деяния, и нагнулся к замочной скважине, чтобы точно определить, какие нужны отмычки...

Вдруг где-то рядом с ним тихо звякнуло. Алексей быстро выпрямился и, оглянувшись, увидел стоящего у южной двери монаха, испуганно взирающего на Алексея. В руке он держал кольцо со множеством нанизанных на него ключей.

Первым заговорил монах.

– Эй! Что вы здесь делаете?! Служба давно закончилась! – неуверенно, но грубо окликнул он Алексея.

– Я паломник, вот, заснул на службе... А вы... наверное, пономарь?

– Я-то пономарь...

– Отец пономарь, тогда откройте мне дверь, пожалуйста, – пойду, отдохну перед литургией.

Монах почесал в затылке и как-то странно огляделся.

Алексей, прищурившись, наблюдал за ним – тот явно нервничал.

– Ну, хватит дурака валять, – Алексей подошёл к незнакомцу. – Я знаю, как выглядит здешний пономарь, вы на него что-то не очень похожи – где же рыжая борода? очки? – он, ухмыляясь, смотрел на поникшего собеседника.

Тот продолжал молчать.

– Я думаю, мы с тобой пришли сюда с одной и той же целью.

– Возможно, возможно, – отозвался, наконец, незнакомец, нервно пощипывая бороду и отводя взгляд.

– Знаешь, – продолжил Алексей, – мне нужен крест, и тебе, как я понимаю, он тоже нужен?

Монах тяжело вздохнул.

– Да простит меня Господь.

Они помолчали.

– Отлично! – Усмехнувшись, продолжил Алексей. – Ну и что же мы будем делать? Распилим его пополам?

– Нет, конечно! – В глазах монаха появился благоговейный испуг. – Это кощунство. Давай, кинем жребий: кто выиграет – тот забирает крест, кто проиграет – возьмёт остальное. Ну, что сможет унести. Это тоже добыча немалая.

Алексей задумался.

– Хорошо. Кинем жребий. Только вот скажи мне, я-то неверующий, и для меня украсть этот крест – плёвое дело. Я не боюсь никакого, там, высшего наказания за святотатство, и единственное, что меня пугает, это полицейские у меня на хвосте. А, вот, ты, похоже, не так далёк от веры, как я, но твоё желание украсть этот крест, мне кажется, ничуть не меньше моего.

Вор в подряснике тяжело вздохнул.

– Не знаю, нужно ли обо всем этом рассказывать, но раз уж такое дело... в общем, в двух словах, из меня не получился монах. Я усердно работал над собой, молился ночи напролет, и в итоге понял, что ничего это не значит... Выигрывает только тот, кому ты несёшь послушание, выигрывает, получая очередного раба. А сам послушник ничего духовного взамен не приобретает. В русский монастырь меня уже не берут, в греческий – тем более. Один раз взяли рабочим в румынский скит, но скитоначальник невзлюбил меня и так стал допекать, что я убежал оттуда через два дня. А я ведь старался делать так, как он говорит, но он всё равно шпынял меня, как шелудивого пса. И вот, слоняюсь я по горе уже два года... У меня даже денег нет, чтобы вернуться на родину и я, кажется, начинаю верить, что и в самом деле я... шелудивый пёс. Короче, святотатство для меня теперь... не проблема.

Горе-монах совсем поник, что не очень вязалось с его последними словами.

Алексей кивнул.

– Я подытожу, с твоего позволения. Раскусив систему, ты захотел получить компенсацию за свои страдания... Правильно? – И, не дожидаясь ответа, продолжил. – Итак, вот монета в один евро. Выпадет Европа – твоя взяла, выпадет Александр Великий – крест мой. Ну, как?

Монах опять тяжело вздохнул и затеребил нечёсаную бороду.

– Я бы, конечно, предпочёл написать две записочки и положить их за иконой, но времени уже мало. Давай, только, сначала зайдём в алтарь, посмотрим, что это за крест, может быть он вообще – позолоченный, а потом уж кинем жребий. Хорошо?

Алексей усмехнулся.

– А что это у тебя в руке?

Монах поднял вверх связку ключей.

– Украл в монастырской мастерской, думал, удастся подобрать ключ.

– Профессионал, сразу видно! Давай уж лучше я.

Монах опустил руку, громко звякнув грудой разнокалиберных ключей, и на его лице появилось обиженное выражение.

Алексей вытер платком руки, надел латексные перчатки, выбрал из своей связки две небольшие отмычки и через несколько мгновений северные двери были открыты. Злоумышленники, немного постояв на пороге, один за другим вошли в святая святых Пантелеимонова храма. Алексей усмехнулся, увидев, как вор в подряснике сделал несколько поклонов перед престолом, но от язвительной шутки по этому поводу воздержался. Они сняли покров с престола и стали пристально рассматривать искусно отлитый крест.

Насколько Алексей мог судить, он, действительно, был из чистого золота.

Вор в подряснике благоговейно спросил:

– Ну что, профессионал, забираем? А выйдем из храма – бросим жребий, кому Бог даст владеть этим крестом.

– Слушай, – презрительно ответил Алексей, – ты Бога-то хоть не приплетай к этому. В чём-чём, а в таких делах главный, кажется, совсем не Бог. Знавал я одного такого на зоне. Тоже говорил: Бог, Бог. А сам...

Алексей не договорил. Небольшая дверь, ведущая в алтарь прямо из пономарки, вдруг открылась, и в святая святых вошел игумен Иероним.

Злоумышленники так и застыли, держа вдвоём крест в вытянутых руках, словно приветствуя отца игумена благословляющим жестом. Иероним остановился, как вкопанный, но выдержки не потерял. Подойдя к застывшим от неожиданности вора, он приложился к кресту и, освободив его из рук воров-неудачников, положил обратно на престол. Накрыв его, он, наконец, обратился к ним, как ни в чём не бывало:

– Молитвенники мои! А вы-то что здесь делаете?

– Мы-то? – Алексей первым оправился от испуга. – Золотой крест ворует.

Игумен, прищурившись, взглянул на вора-профессионала, поднял вверх указательный палец и назидательно заговорил:

– Вот что, крест монастырский, и украсть его я вам дать не могу! Вы что, не понимаете, на что покусились? Это же святыня! Крест, видите ли, они хотят украсть! Ещё раз что-нибудь подобное сотворите, запрещаю вам ходить в монастырь, понятно?

Подельники молчали. Махнув в их сторону рукой, отец Иероним подошёл к стоявшему в углу холодильнику и заглянул в него.

– Зачем я пришёл-то? – глухо прозвучало из недр холодильника. – Хотел проверить, на месте ли просфоры. Иногда так бывает – просфорник забудет, не принесёт.

Игумен закрыл дверцу, обернулся и, увидев так и не двинувшихся с места воров, заторопил их.

– Вот что, рабы Божьи, давайте-ка идите отсюда, не успеете отдохнуть до литургии. А уже после трапезы зайдёте ко мне в келью. Там я с вами и поговорю. Давайте-давайте, быстрее. – Игумен стал подталкивать их к выходу. – Мне же завтра служить.

Игумен закрыл дверь в алтарь снаружи и провёл воров через малую порту, поскольку большая была закрыта.

– Отдыхайте, завтра поговорим.

Воры, начавшие приходить в себя от изумления, пошли в архондарик. По дороге Алексей спросил своего подельника:

– Слушай, а игумен не заложит нас полиции?

– Не должен. Думаю, что всё это произошло с нами не без воли Божьей. Как ты думаешь, есть в этом смысл?

Алексей не ответил...

...На литургию они опоздали, но зато успели на сытную трапезу, где отведали и хорошего монастырского вина, и просто, но удивительно вкусно, приготовленную рыбу и осьминогов.

Поев, они стали дожидаться, когда освободится игумен. Ждать пришлось долго: сначала игумен с братьями принимали поздравления от епископов и гостей, затем был крестный ход, на время которого вору в подряснике дали послушание нести хоругвь с изображением Иисуса Христа.

Наконец, злоумышленникам удалось подойти к игумену. Он посмотрел на них не слишком дружелюбно, что, в общем, было вполне объяснимо, учитывая вчерашнее происшествие. Игумен грозно махнул рукой и пригласил их следовать за ним. Поднявшись на второй этаж братского корпуса, они зашли в келью отца Иеронима. Тот достал из письменного стола большую старую тетрадь и, надев очки с толстыми линзами, стал перелистывать её.

– Вот! – ткнул он пальцем в свои записи. – Читайте здесь.

Послушник взял тетрадь и вслух прочел:

– Каким святым молиться, чтобы избавиться от греха воровства. Преподобный Моисей Мурин и Святитель Николай Чудотворец.

– Запомните, или записать? – Игумен взглянул на Алексея и взял ручку. – Запишу, всё-таки.

Получив игуменское благословение и держа в руках бумажки с именами святых, обескураженные Алексей и его подельник отправились на паром и разговаривали до самого выхода к Уранополю.

– Знаешь, странный человек этот игумен, – продолжая беседу, задумчиво сказал Алексей.

– Да... Я по-всякому о нём думал, но теперь всё больше убеждаюсь, что он – святой. Ведь святость – это совсем не то, что ожидают люди. Как ты думаешь?

– Не знаю, я вообще далёк от всего этого.

Паром, тем временем, прибыл в Уранополю, и пассажиры высыпали на сушу. Монах указал на стоящую близ моря башню.

– Турки вешали здесь монахов, которые не хотели принимать ислам. Пойдём, подойдём?

Новоиспечённые приятели направились к башне, но, не дойдя несколько метров до цели, Алексей вдруг остановился.

– Смотри!

Рядом с ними со стороны моря, зажатые камнями, лежали несколько купюр. Алексей поднял их:

– О, брат, да тут триста евро! Как их только морем не смыло!

Неудавшиеся воры молча постояли с минуту.

– Я что думаю, брат, – Алексей хлопнул послушника по плечу. – Мне этих денег на хороший отдых, как я планировал, всё равно не хватит, а ты... купи себе билет в Россию и возвращайся.

Тот посерьёзней.

– Знаешь, я думаю, это малодушие. Ну и что с того, что меня гоняют по всей горе, – разве Христос не призывал претерпевать лишения ради любви к Нему? Пожалуй, останусь ещё какое-то время на Афоне. Как гласит Писание – «претерпевший до конца спасётся». Буду, значит, терпеть, пока греки меня не депортируют.

– Ну, тогда разделим пополам или бросим жребий: Европа – твоя взяла, Александр Великий – деньги мои.

Послушник заговорщицки посмотрел на Алексея.

– У меня есть другая идея.

– Выкладывай...

...Через три недели игумен Свято-Пантелеимонова монастыря получил бандероль без обратного адреса. В ней был напрестольный мельхиоровый крест. Старец в сопровождении пономаря дошел до алтаря и положил подарок на престол. Прежний крест игумен повелел рыжебородому дьякону унести в ризницу, где теперь хранился и, чуть было не украденный, сверкающий золотом крест...

Этот анонимный подарок был для старца во много раз более значимым, чем дар архиепископа Мисаила. Он говорил о том, что ещё две мятущиеся души обрели веру, которая и есть настоящее золото для души.

Фотограф

Виктор был весьма хорошим фотографом. По крайней мере, он сам так считал. Он не окончил ни одного учебного заведения, в котором учат искусству фотографии, но, с юности отдавая этому делу всю свою энергию и всё своё время, спустя годы, он стал действительно настоящим профессионалом.

Больше всего Виктор любил снимать суровую, но сказочно красивую природу алтайского края, в котором он родился и вырос: пустынные горные пейзажи, величественные леса, снегорей на заиндевевших ветвях деревьев.

Но самым главным стремлением Виктора было запечатлеть на фотоснимке не просто красоту природы, но нечто особое, духовное. С самого детства, несмотря на воинствующий материализм эпохи, в которой он прожил большую часть своей жизни, Виктор верил, что существует другой мир, невидимый, духовный. И иногда, в какие-то мгновения, он может открывать себя людям. И эти мгновения нематериального можно запечатлеть на вполне материальном носителе – фотобумаге.

Виктор был убеждён, что в этом и заключается мастерство фотографа, вершина его мастерства.

Иногда ему казалось, что он достиг своей цели, и земная красота в его снимках начинала отражать красоту мира небесного. Тогда он мог часами смотреть на свои работы. Правда, его коллеги, в том числе и признанные мастера, глядя на снимки, не находили, что на них почил какой-то особый, духовный свет. Быть может, потому, что просто не верили в то, что подобный свет существует...

Когда в России произошел очередной политический перелом, и мир профессиональной фотографии захлестнул поток изображений полуголых девиц, Виктор осознал, что большинству людей нет дела до духовной и даже душевной красоты, – они предпочитают красоту плотскую. Фотограф так и не смог приспособиться к реалиям новой жизни, и стал находить утешение в чтении духовной литературы.

Так Виктор пришел к вере. И чем крепче становилась его вера, тем неодолимей его тянуло к идеалу христианской жизни – монашеству.

Постепенно, благодаря книгам, он стал понимать, что настоящая духовная красота открывает себя лишь чистому сердцу и духовное творчество должно начинаться с совершенствования собственной души. Он мечтал найти такое место, где опытные духовники помогли бы ему умертвить страсти – ведь только тогда он сможет заняться духовной фотографией. И Виктор стал молить об этом Бога...

Вскоре ему попался на глаза альбом о Святой горе Афон. Долго и жадно рассматривал он незатейливые, с точки зрения профессионала, черно-белые снимки, в изобилии разбросанные по тексту: старенькие облупленные жилища аскетов, морщинистые лица старцев в рамках, на мулах, с суковатыми посохами...

Особенно поразила его фотография, на которой два афонских монаха сидели за маленьким столом со стоящей на нём полупустой бутылкой узо³.

Монахи, как следовало из подписи, праздновали Пасху. В их глазах, на их сияющих лицах была та самая горная красота и духовная радость, свидетельствующая о подлинной сердечной чистоте.

Фотограф как замороженный глядел на снимки из альбома: ему стало казаться, что Святая гора и есть то самое место, где пересекается небесное и земное. И тогда Виктор принял решение уехать на Святую гору и остаться там до самой смерти.

³ Анисовая водка.

Денег на то, чтобы попасть на Афон, у Виктора не было и ему пришлось продать оба своих профессиональных фотоаппарата. За них дали лишь половину того, что они стоили, но торговаться он не стал: денег, чтобы добраться до Афона, теперь хватало...

Оказавшись на Святой горе, Виктор без промедления пошёл в русский Свято-Пантелеимонов монастырь и попросился у игумена в послушание. Настоятель выслушал его и сказал, что решение примет собор старцев.

Три дня, остававшиеся до собора, давали возможность Виктору насладиться афонскими пейзажами. Какие это были чудные виды! Зелёные, покрытые богатой растительностью скалы, по ночам заливаемые матовым светом желтовато-молочной луны. Море, простирающееся вокруг, на сколько хватало глаз – синее, воюющее то с песчаным, то с каменистым берегом Афона. Пологая гора, на вершине которой даже из Пантелеимонова монастыря можно было видеть крест у храма Преображения, – она казалась Виктору в прямом смысле твердыней православия...

Монастырские старцы, вопреки ожиданиям Виктора, приняли решение отправить его обратно в Москву, на Афонское подворье, где все, взыскующие святогорского монашества, проходили первоначальный искуc. Но Виктор, будучи человеком упорным, ответил, что не собирается уходить из удела Матери Божьей. Старцы сочли его ответ дерзостью: если он не может исполнить своего первого послушания, то пусть даже не думает о монастыре.

Но они не учли, что проситель уже не мог думать ни о чём другом. Виктор поселился на берегу, соорудив шалаш из ветвей, и вскоре полицейские стали интересоваться у старцев, что это за бродяга поселился на монастырской земле, и не стоит ли его депортировать. Тогда игумен, хоть и сомневался в правильности такого решения, всё-таки принял Виктора на испытательный срок, предупредив, что если тот будет в чём-либо противоречить старцам или работать спустя рукава, то сразу же отправится в Москву.

Виктору дали непростое послушание подсобного рабочего на стройке, и он выполнял его с рвением, на какое только был способен, учитывая здоровье и возраст – ему было уже за пятьдесят.

Так прошло полгода; Виктор всё более и более смирялся, отношения его с игуменом и монастырскими старцами наладились. Но вот, однажды, привычно вглядываясь в вершину афонской горы, он почувствовал, как сердце его дрогнуло – совсем уже было погасшее желание заняться фотографией снова начало разгораться в его душе. С тех пор оно крепло с каждым прожитым часом и с каждым взглядом на прекрасный греческий закат, и, наконец, превратилось в навязчивый помысл, который Виктор, ради сохранения душевного мира, решил открыть на исповеди монастырскому духовнику:

– Отче, в миру я был фотографом; этому делу я отдавал всю свою душу. И сейчас мысль о том, чтобы вновь заняться фотографией не покидает меня. Я понимаю, что, став послушником, я обязан ради Христа отринуть всякую плотскую страсть. Только, вот, сам я не могу определить – страсть ли это или желание по Бозе. Как вы скажете, так и будет. Если благословите всё забыть, я постараюсь это сделать.

Духовник внимательно посмотрел в глаза своего послушника, почти одногодка, и немного подумав, ответил:

– Не стоит тебе пока думать об этом...

– Я понял, отче!

– Подожди, я не договорил. Нам в обители нужен свой, монастырский фотограф, поэтому, возможно, через какое-то время ты и сможешь использовать свой талант во славу Божию. Но теперь об этом не думай, а положишься на волю Господню.

...Со дня, в который состоялся этот разговор, давший Виктору надежду и успокоивший его душу, прошло около года. И вот однажды Виктор познакомился с паломником – бизнесме-

ном из Германии русского происхождения. Узнав из бесед с Виктором о его мечте, бизнесмен предложил помощь в покупке хорошего фотоаппарата.

Виктор попросил благословения духовника на принятие такого дара и, с превеликой радостью, получил его.

Через месяц из Германии пришла посылка, в которой лежал тщательно упакованный в пузыристый полиэтилен новенький полупрофессиональный фотоаппарат. Виктор отпросился у духовника по воскресеньям отлучаться из монастыря, чтобы запечатлеть пейзажи Святой горы в окрестностях обители. Духовник не стал ему препятствовать, лишь повторил, что это занятие не должно мешать ни работе, ни молитве и не становиться страстью.

Каждый раз, собираясь в поход, Виктор брал с собой большой термос с чаем, несколько банок консервов, хлеб и плоды шиповника и, конечно, подарок из Германии – цифровой фотоаппарат. Ни змеи, ни крутые спуски и подъёмы его маршрутов не пугали послушника – всё, чего ему хотелось, – это сделать удачный кадр.

Так прошло ещё два года.

За это время Виктор сделал несколько тысяч снимков, но так и не смог найти в них того, что ему хотелось больше всего – духовную красоту.

Однажды Виктор решил сделать снимки окрестностей Ксиропотама, ближайшего к Пантелеймону монастыря. Духовник посмотрел исподлобья на послушника:

– Виктор, ты же накануне много работал, наверняка очень устал, зачем же тебе Ксиропотам? Ну, и потом, ты же знаешь, что мы никуда не отпускаем насельников монастыря в течение трех лет? Среди нас есть монахи, которые уже двадцать лет в монастыре, и до сих пор не были на пике Афона, а ты и трёх лет здесь не провел. Не нужно тебе ходить так далеко, – Ваша правда, отче. – Виктор склонил голову. – Как благословите, так и будет. Но мне бы очень хотелось поснимать окрестности Ксиропотама.

Духовник внимательно посмотрел на Виктора, но в его взгляде не было осуждения.

– Хорошо, иди, если хочешь. К вечерне ведь вернёшься?

– Конечно! До Ксиропотама минут сорок пешком, сделаю несколько снимков и сразу вернусь. Думаю, должно здорово получиться.

– Ну, раз так, Бог тебя благословит.

Виктор взял благословение и стал собираться.

Ксиропотам был древним монастырём, основанный самим святым Павлом. В летописи этой обители имелись как славные страницы, так и позорные – это был тот самый монастырь, монахи которого приняли с хлебом-солью латинян. После этого чудесное дерево «губа», которое росло прямо в алтаре храма, и чьи плоды считались целебными, зачахло.

Сегодня Ксиропотам считался самым строгим монастырём Святой горы. Его насельники, в отличие от Дохиариу, Костамониту, да и самого Пантелеймона, работали немного и ели сколько хотели. Единственное условие, которое малочисленная братия (не более двадцати человек) соблюдала беспрекословно – не общаться ни с кем, кроме своих, монастырских. Да и внутри обители общение без крайней необходимости не приветствовалось. С родными же ксиропотамские монахи могли общаться лишь четыре раза в год по телефону.

Добравшись до Ксиропотама, Виктор обошёл монастырь, фотографируя по дороге всё, что казалось ему достойным быть увековеченным. Уже собираясь в обратный путь и оглядев напоследок окрестности – не упустил ли чего, фотограф приметил стоявшую невдалеке келью святого Никодима.

В этой келье, метрах в трёхстах выше Ксиропотама, жил святой старец-отшельник, отец Герасим. Виктор много слышал о нём – авторитет старца был велик на Афоне – и ему захотелось запечатлеть для будущих поколений святого человека.

Виктор задумался: благословение было дано дойти только до Ксиропотама. В раздумьях прошло несколько минут и, наконец, желание пересилило чувство долга – Виктор решил нару-

шить благословение. «В конце концов, какие-то триста метров – думал он, торопливо продвигаясь к келье. – Какая мелочь!» Через пять минут он уже стоял у двери.

Вытерев бегущий струйками по лицу пот, Виктор прочитал выученную им по-гречески «вратарную» молитву: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, помилуй нас» и постучался в келью. Дверь открыл послушник.

– Что вы хотите? – спросил он по-гречески.

– Геронда Герасимос! – ответил фотограф.

Вскоре Виктор уже сидел в маленьком уютном дворике и в ожидании старца ел ароматный лукум и пил кофе. Когда появился отец Герасим, Виктор подошёл к нему, взял благословение и, показывая на камеру, жестами попытался объяснить, что хотел бы сфотографировать старца.

Отец Герасим улыбнулся, что-то сказал своему послушнику, и тот кивнул фотографу, давая понять, что разрешение получено. Виктор быстро достал фотоаппарат из чехла и сделал с десяток снимков. Зачехляя камеру, он взглянул на часы – до вечерни оставалось тридцать минут!

С трудом подбирая греческие слова из своего скудного запаса, Виктор поблагодарил старца и попытался объяснить, что ему нужно срочно идти обратно, в Пантелеймон, иначе он нарушит благословение.

– Что? Благословение? – переспросил отец Герасим.

Старец посмотрел на русского послушника, махнул на него рукой и отпустил. Фотограф добирался до монастыря почти бегом.

На вечерню Виктор не успел. Когда он, наспех переодевшись, прибежал в храм, псалтосы уже пели «Свете тихий». Виктор подошел к духовнику, стоявшему в крайней стасидии у иконостаса, и принялся просить прощения за опоздание.

Духовник немного помолчал и затем спросил:

– Ну, что, много сегодня наснимал?

– Да, отче, много. Надеюсь, это будут отличные снимки!

...После трапезы он почти бегом добрался до своей кельи и, предвкушая радость от созерцания снимков старца Герасима, включил питание фотоаппарата. Он не мог поверить своим глазам! С дисплея камеры на него смотрел какой-то мрачный человек. Злобный невзрачный старик. Ни духа, ни огонька в глазах. Ни духовной красоты, ни даже плотской!..

На следующий день Виктор уныло побрёл на исповедь. Упавшим голосом он рассказал духовнику, что его вчерашний труд оказался насмарку.

– Ну разве я тебе не говорил: отдохни сегодня, – ответил тот. – В конце концов, ты, прежде всего, послушник нашего монастыря, а уж затем фотограф. Почему ты вчера решил настоять на своём?

– Понимаете, отче, я очень хочу показать людям духовную красоту! – послушник вдруг совсем поник. – И ещё, отче... Я вчера сделал фотографии отца Герасима из кельи святого Никодима. Без вашего благословения.

Духовник нахмурился.

– И как снимки, Виктор?

– Ужасно, отче! Я не мог и предположить, что может получиться что-то подобное. Ведь я профессионал в этом деле.

Старец прищурился, отпустил Виктору грехи и сам благословил в следующее воскресенье опять пойти к отцу Герасиму и снова попросить сфотографировать его.

...И вот, через неделю Виктор снова оказался в келье святого Никодима. На этот раз ему открыл сам старец и ласково пригласил его во двор. У отца Герасима были гости, они сидели за бутылкой вина «Милопотамос», праздновали воскресный день. Виктор попросил хозяев и гостей разрешения сделать несколько снимков.

– Один! – благословил отец Герасим, подняв указательный палец вверх для большей убедительности.

Виктор, несмотря на наличие у камеры дисплея, прильнул по привычке к видоискателю, начал «прицеливаться», и тут его указательный палец дрогнул и нажал на спуск. Так получился один единственный снимок.

Затем его пригласили к столу, и Виктор, насколько ему позволяла послушническая совесть, присоединился к празднеству.

Вернувшись в свою келью, он, вздохнув, включил камеру и взглянул на этот единственный благословлённый снимок...

Лица отца Герасима и его гостей сияли такой же духовной радостью, как на той, сыгравшей в его судьбе столь большую роль, чёрно-белой фотографии из альбома об Афоне. Эту духовную реальность, так трудноуловимую, ему удалось, наконец, запечатлеть. И запечатлеть не с помощью профессиональных секретов, а лишь благодаря исполненному послушанию!

И с этого дня Виктор стал прежде всего послушником, и лишь потом фотографом, настоящим мастером своего дела.

Ангел-хранитель

Однажды вечером, когда светлячки только начали украшать Святую афонскую гору, усыпая её своими огоньками, а древнее море принялось усыплять землю колыбельными спокойных волн, старый монах русского Пантелеимонова монастыря Афанасий почувствовал сильный укол в сердце.

Нет, скорее не укол, а будто удар шилом, нанесённый разгневанным демоном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.